

СЮЖЕТ О ЗОЛУШКЕ КАК ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДЕМИФОЛОГИЗИРОВАННОМ И РЕМИФОЛОГИЗИРОВАННОМ ГЕРОЕ

THE STORY OF CINDERELLA AS A STORY ABOUT A DEMYTHOLOGIZED AND REMYTHOLOGIZED HERO

O. Pospelova

Summary: This article is devoted to the modification of the Cinderella plot in modern fiction. Using selected works as an example, the vectors of transformation of the familiar fairy-tale plot and the image of the oppressed stepdaughter are examined in the context of demythologization and remythologization of the analyzed story of Cinderella. The research methods are based on a comparative historical approach to the analysis of the mythological and folklore plot proposed by Eleazar Moiseevich Meletinsky. The aim of the work is to study changes in the perception of the plot about Cinderella during the transition of the fairy-tale image from a demythologized hero to a remythologized one: how the image of Cinderella changes and what such changes are related to.

Keywords: Cinderella story, plot transformation, Cinderella image, modifications of the fairytale image, demythologized hero, remythologized hero, fantasy.

Поспелова Ольга Сергеевна
аспирант, Российский государственный гуманитарный
университет, (г. Москва)
olenka0799@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена модификации сюжета о Золушке в современной художественной литературе. На примере избранных произведений рассматриваются векторы трансформации привычного сказочного сюжета и образа притесняемой падчерицы в контексте демифологизации и ремифологизации анализируемой истории о Золушке. Методы исследования основаны на сравнительно-историческом подходе к анализу мифологического и фольклорного сюжета, предложенного Елеазаром Моисеевичем Мелетинским. Целью работы является исследование изменений восприятия сюжета о Золушке при переходе сказочного образа из демифологизированного героя в ремифологизированного: как изменяется образ Золушки и с чем связаны такие перемены.

Ключевые слова: сюжет о Золушке, трансформация сюжета, образ Золушки, модификации сказочного образа, демифологизированный герой, ремифологизированный герой, фэнтези.

Сюжет сказки о Золушке является одним из самых древних в истории мирового фольклора. Из солярного мифа и образа богини зари сюжет о Золушке модифицировался в инициационную сказку, а позже, с изменениями в социуме, история бедной и несчастной падчерицы стала все чаще восприниматься не в качестве рассказа об инициации героини, а как социально-бытовая сказка, повествующая о несправедливом гонении мачехой неродной дочери, и торжество Золушки в конце сказки.

Как отмечает Елеазар Моисеевич Мелетинский, демифологизация литературы происходила в XVIII–XIX веках, а ее ремифологизация началась с конца XIX века [8, с. 171]. Такие же трансформации происходили и с восприятием того или иного сказочного сюжета: так «демифологизация героя в сказке дополняется часто нарочитым выдвижением в качестве героя социально обездоленного, гонимого и униженного представителя семьи, рода, селения» [3, с. 266]. Восприятие сюжета о Золушке действительно прошло через демифологизацию, когда история перешла из мифа и фольклорной сказки в литературную: так, если изначально в структуре сюжета сохранялась идея инициации как трансформации и приобретение

тех сверхъестественных сил, которыми «по самой своей природе обладает герой мифический» [3, с. 266], то со временем концепция сюжета стала претерпевать существенные изменения и модификации, происходящие с героиней в сказке, стали восприниматься не в качестве духовных преобразований, а как социально-бытовые.

Так Патрисия Хэннон в статье о героях и героинях сказок Шарля Перро предлагает следующую трактовку сюжета о Золушке: мачеха и ее дочери являются нуворишиами, в то время как отец Золушки – обедневший аристократ [12, р. 947]. Унижение Золушки, в связи с такой интерпретацией сюжета, носит чисто социально-бытовой характер: богатая вдова из неизвестного рода через брак с обедневшим потомственным аристократом получает возможность повысить свой социальный статус в глазах общества, а унижение падчерицы для мачехи и ее дочерей в таком случае является ничем иным, как желанием показать свое превосходительство над потомственной дворянкой.

Если в архаичных сказках плохое отношение могло характеризоваться самыми разными факторами, то в XVII веке оно приобретает именно значение различия в

социальных классах между Золушкой и ее новой семьей. Какое-то время такая интерпретация сюжета превалирует, однако позже, в XIX веке в его структуру вплетаются новые темы: борьба за эмансипацию женщин, обсуждается женский вопрос и возможности для женщин развития в избранной ей карьере, а также поднимается проблема расового и классового неравенства. В связи с этими изменениями сюжет о Золушке должен был претерпеть значительные трансформации, чтобы главная героиня смогла своим образом и характером иллюстрировать ту идею, в которую в нее вложил автор, и передать тревожащие социум проблемы.

Поэтому в современном фэнтези присутствует тенденция к ремифологизации Золушки. Многие писатели XXI века стремятся показать своих Золушек такими, каким был мифический герой. Так, современные Золушки в фэнтезийных романах обретают сверхъестественные способности или волшебную помощь в тот жизненный период и тот критический момент, который может быть расценен как осовремененное инициационное испытание для героини, и обретение этих магических сил знаменует удачное прохождение героиней данных ей испытаний. Например, в романе Т. Одетт «Сердце принца-ворона» (2023) Эмбер обретает способность перевоплощаться в поток воздуха, когда узнает ложь мачехи о смерти своего отца и понимает, что она никогда действительно не была виной его гибели. В романе Л. Дж. Эндрюса «Ночь масок и ножей» (2024) Малин в ходе развития событий и вплоть до самого бала понемногу раскрывает возможности своего мощного месмера аномальщицы, являющегося редким даром; считая, что у нее странный и опасный дар, она старалась скрывать и подавлять его, минимально им пользоваться, но на балу она узнает, что ее дар – это наследие предков королевской крови и сверхъестественные силы маркируют ее избранность. Так инициация в этом случае тесно связана с психологией: только когда героини осознают прошлое как уже прошедшее и принимают идею, что нужно двигаться дальше, их возможности растут, как и их магические силы.

Также в некоторых вариантах магические способности пробуждаются в главной героине для того, чтобы завершить благое дело – цель Золушки, обязанная обеспечить преобразования в лучшую сторону во всем королевстве. Например, в цикле Р. Миллер «Рассекренченное королевство» (2018–2020) Софи изначально

предстает как швея-чародейка, шьющая наряды на заказ в собственном ателье и накладывающая на них разные чары, в зависимости от пожеланий клиентов. По мере развития сюжета, колдовские способности Софи расширяются и к моменту развязки она уже не чародейка-любительница, а полноценная колдунья, способности к колдовству которой поражают даже сильных магов, занимающихся ворожбой не одно десятилетие.

Современные Золушки редко позволяют волшебным силам действовать вместо них и такое новаторство навеяно не архаичными мотивами, а современными идеями: начавшись в конце XIX века и продолжив развитие в XX веке, феминистское движение оказalo большое влияние не только на социум, но и на художественные тексты, не обойдя вниманием как сказочные сюжеты, так и образы героинь из сказок. Если в архаичных сказках Золушка не могла в полной мере считаться колдуньей, то в современных фэнтезийных романах зачастую можно встретить не только героиню со сверхъестественными способностями с рождения (как Эмбер у Т. Одетт и Малин у Л. Дж. Эндрюса), но и Золушку-колдунью (как Софи у Р. Миллер).

Сюжет о Золушке технически возвращается к своим истокам, так как героиня современных романов, использующих в своей структуре историю о притесняемой падчерице, зачастую самостоятельно обретает нужные ей способности, и сама борется со всеми невзгодами, возникающими на ее пути к трансформации. Однако фактически исследуемый нами сказочный сюжет вновь претерпевает концептуальные изменения и, являясь изначально повествованием о прохождении обряда инициации, а позже имея социально-бытовой контекст, в XXI веке он уже повествует не о социальной обездоленности в материальном плане, а о притеснениях в гендерном смысле: невозможности самостоятельного выбора, финансовой зависимости женщины от мужчины, проблеме неравного отношения к мужчинам и женщинам и так далее. Обретение главной героиней способностей в современном сюжете о Золушке как отмечает момент инициации персонажа, так и символизирует ее свободу от нависшего над ней ига: благодаря своим способностям героиня оказывается непобедимой, становится медиатором не только между желаниями простого люда и возможностями королевской семьи, но также она является глашатаем проблем, с которыми сталкиваются не только девушки ее возраста, но и люди ее сословия, а женщины – в частности.

ЛИТЕРАТУРА

- Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. Российский государственный гуманитарный университет. М., 1994. 136 с.
- Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. 2-е изд., испр. / Е.М. Мелетинский. М.: РГГУ, 2019. 170 с.
- Мелетинский Е.М. Пoэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е.М. Мелетинский. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
- Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки /Структура волшебной сказки. М.: Рос-

- сийск. гос. С 87 гуманит. ун-т, 2001. С. 11–122.
5. Миллер Р. Рассекреченное королевство. Книга первая. Швея-чародейка / Р. Миллер; пер. с англ. Р. Лобия. М.: Эксмо, 2020. 448 с.
 6. Миллер Р. Рассекреченное королевство. Книга вторая. Испытание / Р. Миллер; пер. с англ. С. Трофимова. М.: Эксмо, 2020. 448 с.
 7. Миллер Р. Рассекреченное королевство. Книга третья. Власть / Р. Миллер; пер. с англ. Е. Николенко. М.: Эксмо, 2021. 352 с.
 8. Назиров Р.Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2014. 292 с.
 9. Одett Т. Сердце принца-ворона / Т. Одett; пер. с англ. Е.В. Каштановой. М.: Эксмо, 2023. 512 с.
 10. Эндрюс Л. Дж. Ночь масок и ножей / Л. Дж. Эндрюс; пер. с англ. Е. Кузьменко. М.: Эксмо, 2024. 448 с.
 11. Cox M.R. Cinderella. Three hundred and forty-five variants. Cinderella, Catskin, and Cap O'Rushes, abstracted and tabulated, with a discussion of mediæval analogues, and notes. London: published for the folk-lore society by David Nutt, 1893. 535 p.
 12. Hannon P. Corps cadavres: Heroes and Heroines in the Tales of Perrault. The Great Fairy Tale Tradition: From Straparola and Basile to The Brothers Grimm. Giambattista Basile. New York, London: Norton&Company, 2001. P. 933-957.

© Поспелова Ольга Сергеевна (olenka0799@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»